

«ДОМА И САРАИ СТРОИЛИ СВОИМИ РУКАМИ»: ИСТОРИИ ПРИСВОЕНИЯ СТРОЯЩЕГОСЯ РАЙОНА ПРОМЫШЛЕННОГО МОНОГОРОДА (ФОКИНО В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ) В 1960–1970-Е ГГ.¹

Альбина Александровна Заверткина (albazav213@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Заверткина А.А. (2026) «Дома и сараи строили своими руками»: истории присвоения строящегося района промышленного моногорода (Фокино в Брянской области) в 1960–1970-е гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 179–211. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.7> EDN: EBTTFH

Аннотация. В изучении «советскости» и, конкретнее, советской урбанизации второй половины XX в. все еще мало внимания уделяется уникальности локальных территориальных процессов. Осмысление трансформации территорий через дихотомию деревни и города часто подразумевает вынесение оценок и не позволяет увидеть «реальный социализм», скрытый за ними. В статье через три истории обустройства (dwelling) (Т. Ингольд) строящегося жилого района промышленного моногорода показано, что значил процесс урбанизации для местных жителей. Как жители делали меняющийся ландшафт своим? Что позволяло им чувствовать себя дома, на своем месте? Основные материалы статьи — биографические интервью с жителями, собранные в 2019–2024 гг. Контекстуализировать интервью помогают выпуски местной газеты «Брянский цементник». Для анализа применяется категория «своих», введенная в исследовательское поле А. Юрчаком, а также идеи об «обустройстве ландшафта», предложенные Т. Ингольдом. На локальном примере показано, во-первых, что урбанизацию можно рассматривать как многообразный процесс по изменению гетерогенных ландшафтов, выходящих за пределы строгой дихотомии деревни и города. Во-вторых, что в позднем социализме жителям были доступны инструменты причастности к жилой среде, «соучастия» в формировании ландшафтов, и не только как творческих пользователей пространства, применяющих «тактики» (Де Серто), или как тех, кто воплощал планы ручным трудом, строя жилые дома, но и как его проектировщиков, которые могли применять стратегии, добавляя в пространство новые материальные объекты — сараи.

Ключевые слова: деревня, город, урбанизация, советское, место, ландшафт, обживание.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00962, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>.

Введение

Что значит ощущать себя на *своем месте*? В исследованиях советского проблематика *места* пока не получила достаточно внимания. Авторы изучают архитектурные планы и идеологические описания городов (Бон 2013; Касаткина 2022), обращают внимание на географию исторических процессов, но редко описывают «свои места», за редкими исключениями (Bolotova 2012). Категория «своих» знакома советским исследованиям как категория лингвистическая (Юрчак 2016), но не пространственная. Хотя сам исторический контекст создает благотворную почву для такой концептуализации. Интенсивный процесс урбанизации XX в. и особенно второй его половины приводил к созданию многих новых *мест*, жители которых как-то делали их *своими*.

В статье я буду анализировать процесс строительства нового «городского» района Шибенец промышленного города Фокино в Брянской области в 1960–1970-е годы. Жители города не только наблюдали за активным изменением привычной им среды, но и участвовали в этих изменениях. На примере трех историй я покажу, как жители делали места своими. Теоретической опорой исследования послужили идеи антрополога Тима Ингольда, который ввел понятие «обустраивания» (*dwelling*) среды как онтологической практики проявления человека в мире. Для Т. Ингольда люди, как и другие живые существа, постоянно обустраивают местность под себя. В то же время среда, в которой живут люди, формирует то, как человек мыслит свой дом, свое жилище. Человеческие смыслы рождаются при контакте с окружающей средой, а не абстрактно, в башне из слоновой кости или на белом листе абстрактного плана. По Т. Ингольду, в результате человеческой жизнедеятельности формируется ландшафт (*landscape*). То есть для антрополога ландшафт — это не статичное отображение местности, не ее репрезентация, но совокупность практик, взаимодействий людей друг с другом и с окружающей средой, навыков и идей, закрепленных в теле (сформированных жизнью в определенной местности), а также ресурсов, доступных для использования локально. Ландшафт имеет свою жизнь: он ритмичен, подвижен, изменчив во времени.

Через истории трех семей я покажу, что строящийся микрорайон Шибенец в 1960–1970-е гг. становился обитаемым за счет создания и поддержания гетерогенных ландшафтов: деревенских домов, многоэтажных жилых домов, дворов, лавочек и сараев.

В статье четыре раздела. Первый посвящен историческому контексту. В нем я поясняю значительность преобразований территорий, происшедших в XX в., и ввожу термин «соучастие», который активно использу-

ется в современных градостроительных проектах. Появился он в 1960–1970-е годы в США как реакция на проекты урбанизации 1960-х гг., аналогичные проектам в СССР. Второй раздел раскрывает современные тенденции и актуальные сложности методологического и теоретического характера, с которыми сталкиваются авторы, изучающие советский урбанизм. Третий раздел эмпирический. В нем я анализирую воспоминания жителей, полученные в ходе сбора полевых материалов, через рассказ об истории трех семей, проживавших в разных местах внутри одного района. Наконец, четвертый посвящен выводам, которые можно сделать из описанных мною историй.

Перед тем как пойти дальше, я считаю важным обозначить позицию, из которой формировалось это исследование и из которой я пишу этот текст. Фокино — мой родной город, в котором я прожила почти 17 лет до того, как уехала учиться в Москву. Идея этого исследования родилась во время моей учебы на бакалавриате из внутренней тревоги и неустрашенности, связанных с ощущением себя *не-своей* ни в Москве, ни в Фокино. Исследование стало моим способом найти связь с этими топографиями, присвоить себе как пространство родного города, которое стало казаться непонятным и безмолвным, так и московскую, а позже петербургскую среду, которые в годы обучения формировались для меня академическим контекстом.

В отличие от классических антропологических исследований, в которых исследователь приезжает в незнакомое ему «поле», я для сбора материалов приезжала к себе *домой*. Больше, чем другие исследователи в работе над этим проектом, я сталкивалась (и продолжаю сталкиваться) со множеством этических дилемм, а также эмоциональных сложностей. В поиске теоретической поддержки моего положения, все еще нестандартного для антропологической теории и практики, я нашла опору в виде концепции «антропологии дома» (*anthropology-at-home*) (Wiederhold 2015). Исследовательница А. Видерхольд также проводила интервью в родном городе. Для осмысления своей позиции она предлагает рассмотреть взаимодействия исследователя с «полем» не через дихотомию «ученый — изучаемый», а через идею, что в любых социальных контактах мы в каждом конкретном случае частично «свои», а частично — «чужие». Например, белой женщине проще найти контакт и понять опыт другой белой женщины своего возраста, чем оказаться «своей» для черных мужчин. Для них она больше будет «чужой». Разговаривая с жителями родного города, я также была «своей» только частично. Я тоже родилась в городе Фокино, меня, как и других жителей, волнует его прошлое, настоящее и будущее. Такая общность позволяла находить эмоциональный контакт с моими

собеседниками. При этом даже при первых интервью я уже не жила в Фокино постоянно, я была уезжей «москвичкой». Помимо этого, я не знала большинства историй о прошлом, о которых говорили мои собеседники, и для этого прошлого я была внешней наблюдательницей.

Когда я стала узнавать об истории строительства города Фокино в первых интервью, меня поразили масштаб и относительная близость исторических событий, связанных с трансформацией территории. Вся материальная среда, в которой я выросла, появилась за время жизни поколения моих бабушек и дедушек. Вместо соснового леса возникли многоэтажные дома и детские площадки, школы и магазины. Я родилась в конце 1990-х, тогда, когда последние отголоски советского урбанистического проекта перестали получать материальное воплощение. Когда мои собеседницы и собеседники с ностальгией рассказывали о собственном прошлом, неразрывно связанном с прошлым города, я удивлялась рассказам о теплых добрососедских отношениях и о включенности жителей в процесс строительства. Они часто говорили, что делали все «сами», «своими руками», а также подчеркивали, что «все друг другу помогали». Они рассказывали о том, как сами или их родственники, или их знакомые строили дома, ремонтировали здания, обустраивали дворы и детские площадки. Они считали это место своим и обустраивали его для себя, своей семьи и остальных жителей совместно друг с другом. Некоторые из них тоже начинали чувствовать отчуждение от пространства вокруг них, поскольку в него пришли новые, чужие люди, которые стали строить что-то другое или стали пользоваться пространством не так, как пользовались они. Вместе с ними я переживала чувство отчуждения от, казалось бы, родной среды. И сопереживала их чувствам ностальгии о прошлом, в котором ощущение своего места было явным и разделяемым с другими.

Далее я не буду касаться методологических и эпистемологических сложностей автоэтнографичной проблематики этого исследовательского проекта, связанных с моей позицией. В центре внимания — героини историй, а не мой личный опыт, для осмысления которого, быть может, стоит написать отдельную статью. Периодические мои собственные наблюдения как жительницы города и одновременно антрополога будут проявляться вместе с наблюдениями и воспоминаниями моих собеседников.

Основные материалы статьи — биографические интервью с жителями города. Всего в моем личном архиве хранится 35 биографических интервью, которые я брала на протяжении 2019–2024 гг., работая над учебными проектами. Большая часть из них (26 интервью) проведена с теми, кто родился в 1930–1960-х гг. и представляет «первые поколения» городских жителей: на протяжении их жизни поселению был присвоен статус города.

В 2019–2021 гг. я собрала 10 интервью. Я находила своих собеседников через личные знакомства (мои родные бабушки, их знакомые, бабушки моих друзей), через социальные сети, например «ВКонтакте». Беседа строилась в свободной форме, я спрашивала о том, как люди жили в прошлом, задавала уточняющие вопросы в тех местах, которые казались мне удивительными и необычными. В 2021–2022 гг. я собрала 18 интервью (девять — с «первым поколением» жителей и девять — с теми, кто родился в конце 1990-х — начале 2000-х, моими ровесниками). Зная, что я продолжаю заниматься изучением истории города, мои респонденты сами предлагали мне поговорить с их знакомыми, далее я просила рекомендовать кого-то еще, действуя в логике «снежного кома». В этот раз я собирала биографические интервью по методологии Розенталь, дополненной Шютце (Розенталь 1993; Рождественская 2012; Schütze 2014). В начале просила рассказать собственную биографию, и мои собеседники рассказывали историю своей жизни в свободной форме. Далее я спрашивала о каждом этапе, задавая уточняющие вопросы о том, как менялась среда, в которой они жили, и как они или их родственники, знакомые принимали участие в процессе строительства и обживания вначале поселка городского типа, а затем города Фокино. Такой способ беседы направлен на то, чтобы минимизировать влияние исследователя, задача которого сводится к тому, чтобы дать возможность собеседникам построить длительные последовательные нарративы о своей жизни. Исследователь играет роль помощника, задавая уточняющие вопросы. Я с помощью такой методологии в том числе пробовала минимизировать собственное влияние как жительницы города, убирая свои оценки и предположения о разных местах на территории Фокино. В 2022–2024 гг. я взяла еще семь интервью, которые были более тематическими, касались вопросов строительства города или отдельных его частей. Респондентов я уже находила через знакомых моих прошлых собеседников.

Для написания текста я прихожу к классическому для антропологического исследования решению, желая обезопасить своих респондентов. Имена моих собеседников изменены, разные биографические характеристики совмещены в единый портрет. Учитывая уникальность моего кейса, я надеюсь, что при желании жители города сами смогут идентифицировать себя в тексте.

Помимо интервью, для контекстуализации информации и более полной картины застройки района я также обращалась к выпускам местной газеты «Брянский цементник» за 1950–1970-е гг. и к материалам личных архивов жителей. Устные истории содержат иной взгляд на процесс урбанизации города Фокино, нежели отраженный в печатных изданиях.

Об отношении между официальной советской риторикой урбанизации и реальными практиками я также скажу.

Все собранные материалы помогают мне понять историю урбанизации поселения и формируют мое мышление об исторических процессах. Однако в статье я буду использовать только некоторые из них.

Исторический контекст: «соучаствующее проектирование» при социализме

Глобально XX век — время интенсивной урбанизации. Этот период охватывает расцвет модернистских идей и надежд на рациональное обустройство территорий — от концепции города-сада Э. Говарда, появившейся еще в конце XIX в., до идеи микрорайонной застройки, ставшей актуальной для СССР в 1960-е гг. Несмотря на возникновение иллюзорных идей социалистов, которые включали в себя элементы «сельской жизни», утопичность «города» побеждала. Повсеместно в публичной риторике приоритет города над деревней был неоспоримым. В разных странах стремились создавать и строить города. Вторая половина XX в. — время глобального жилищного кризиса, а также восстановления разрушенных войной территорий. Для жилой архитектуры это время повторного расцвета модернистских идей рационально устроенного пространства, которым на помощь пришли новые технологии. Внедрение инженерных новшеств, массовое производство строительных материалов, распространение бетона как основного материала для строительства сделали возможным быстрое возведение новых многоэтажных домов, которые помогли решить проблему жилищного кризиса. По переписям населения 1960-е гг. признаются десятилетием, когда большая часть населения СССР стала жить в городах.

Однако критика модернистской реализации устройства городов возникла почти сразу. Города и городские территории, застраиваясь по рационально продуманному плану, были похожи, однообразны. В США уже в 1960-е гг. появилась критика подобных проектов застройки, например известная книга Дж. Джейкобс (Jacobs 1961) о «смерти городов», в которой автор критикует застройку рабочих кварталов. В строго распланированной среде, по мнению автора, невозможно проявление свободы и разнообразия социальной жизни, что делает эти районы нежеланными для жизни. В ответ на критику профессионалов, обозначенную Дж. Джейкобс, а также на реакцию местных сообществ, в США уже в 1960–1970-е гг. появились первые программы «соучаствующего проектирования», которые предполагали включение жителей в процессы проектирования территорий на разных этапах. Считалось, что при «соучаствующем проектировании»

учитывается местный опыт жителей, их локальное знание территории и уникальные потребности. Кроме того, считалось, что, подключаясь к проектированию и строительству жилых районов, жители начинают чувствовать их своими, становятся их соавторами и хозяевами (Arnstein 1969; Friedmann 1973).

В СССР урбанизация стала важной задачей с 1920-х гг. Социализм должен был быть городским (Zakirova 2018). Несмотря на разногласия в конкретных представлениях о городе, последовательной амбицией советского правительства было создание особого, социалистического города, отличного от городов в странах с капиталистической экономикой. Советский социалистический город должен был вобрать в себя лучшие черты деревенского и городского быта. В советском городе не должно было быть отчуждения от окружающей среды и бедности социальной жизни. В первой половине XX в. акцент был на создании промышленной базы страны, в связи с этим появилось много промышленных центров и моногородов, которые строились с нуля (Меерович 2008; Меерович 2018; Kotkin 1995). В 1960-е гг. развитие промышленности продолжало быть важной задачей, но внимание также получили сферы легкой промышленности и строительные индустрии. 1960-е — это также время введения в практику строительства «хрущевок», типовых многоэтажных домов, а также идеи (микро)районной застройки. Микрорайоны, которые стали базовой единицей территориального мышления, представляли собой рационально организованные жилые зоны. В составе микрорайона жилые дома располагались рядом с необходимыми инфраструктурами, магазинами, почтой, детскими садами, образовательными учреждениями, местами досуга, зелеными зонами. Внутри районов нет необходимости в транспорте, транспорт нужен, чтобы соединять жилой район с местами работы, промышленными центрами, с другими районами. Многие советские граждане получали жилье в новостройках. Массовое переселение жителей из бараков и коммунальных квартир улучшило качество жизни многих советских граждан (Harris 2013). Время 1960-х, время оттепели, — это еще и время *новоселов*, получения квартиры, ремонтов, создания нового быта (Reid 2014). В советских медиа вновь актуализируется риторика города. Городское было знаком развития, продвижения вперед, а деревенское — знаком отсутствия развития, отсталости, прошлого, которое необходимо преодолеть, чтобы прийти к светлому будущему. Провозглашаемой задачей советского правительства было создание новой нормы жизни, и новые нормы должны были быть городскими, формировать советского горожанина, преодолевать «отсталость» деревенского образа жизни (Reid 2014; Zakirova 2018).

В постсоветском контексте популярна критика советских «городов» как недо-городов (Зубаревич 2016; Кудюкин 2012), а амбиции советского правительства авторы оценивают как провальные (Зубаревич 2016; Кудюкин 2012; Богданова 2013). Кроме того, в постсоветской культуре все еще сильна критика «хрущевских» районов как скучных и репрессивных, лишаящих жителей свободы творчества, аналогичная критике Дж. Джейкобс рабочих кварталов в США в 1960-е гг. Массовые типовые проекты критикуют за то, что они лишают жителей свободы проявления себя и творчества, а рациональное, продуманное «сверху» устройство жизни лишает возможности творчески проявляться местному сообществу и присваивать себе территорию, создает отчуждение жителей от жилой среды, построенной для них, но без их участия. Современные исследователи отвечают на эту критику, показывая, как советские граждане имели возможность «соучаствовать» в строительстве жилых районов (Богданова 2013; Reid 2014; Bolotova 2012). Можно сказать, что советский урбанизм они видят как «соучаствующий». Как конкретно авторы это концептуализируют, мы увидим в следующем разделе текста.

В этом насыщенном историческими событиями контексте развивался и поселок Цементный, получивший в 1964 г. статус города и название Фокино, — объект и место проведения моего исследования. Жители поселения проживали глобальный процесс урбанизации в его советской версии и соотносили себя с ним. Каким образом они делали его «своим», как им удавалось или не удавалось принимать участие в стремительном изменении ландшафта их поселения? Прежде чем рассматривать эмпирические истории и отвечать на эти вопросы, обратимся к теоретическому контексту исследования. Поговорим о понятиях и способах их применения.

Теоретический контекст: уникальная множественность советской урбанизации

Один из главных вызовов в современных исследованиях «советского» — поиск теоретических моделей, которые позволяют учитывать, во-первых, уникальность советского проекта, во-вторых, множественность исторических процессов.

Первая задача предполагает чуткость к понятийному аппарату и поддержание от «оценок» и «суждений» из перспективы иного контекста (европейского, американского, постсоветского). Сюда же относятся понятия города, деревни, государства и общества, которые я упоминала в предыдущем разделе. Частично разрешить эту сложность помогает идея процессуальности. Современные авторы (Bocharnikova, Harris 2017) предлагают рассматривать урбанизацию как процесс «становления городским»

(becoming urbane). Отталкиваясь от этой идеи, я предлагаю вместо обозначения территорий как деревенских и городских обращать внимание на то, какие изменения происходят с территориями, если мы учитываем тот факт, что они меняются в контексте урбанизации. Урбанизацию же я предлагаю видеть как процесс, который имеет как глобальный, так и локальный (на уровне страны, поселения) уровни и с которым жители территорий как-то связаны: они вступают с процессом урбанизации в какие-то свои связи, отношения. При изучении конкретного кейса изменения территории задача сводится к исследованию отношений конкретно этой территории и ее жителей с процессом урбанизации.

Задача по поиску множественности связана с первой задачей. Увидеть множественность возможно с помощью таких концептуализаций, которые позволяют видеть исторические процессы вне противопоставлений города и деревни, государства и общества.

Часть исследователей работают над поиском таких моделей и способов осмысления советской урбанизации. Дихотомия «государство — общество» преодолевается в исследованиях советского урбанизма через изучение совместных практикстроек, озеленения, обустройства квартир (Bolotova 2012; Касаткина 2022; Reid 2014; Рожанский 2012). Обращаясь к материалам устных интервью и местных печатных изданий, авторы показывают, как жители творчески подключались к планам советского правительства, присваивали себе совместные практики жизни в городах, своими руками строили дома и обустроивали квартиры. В результате авторы говорят не о «репрессивном государстве» или о «лояльных государствах граждан», а о различных формах совместной жизни, в которых ресурсы советского государства видятся как инструменты, при взаимодействии с которыми горожане формируют свои субъектности и связи с другими. Анализируя материалы разных кейсов, исследователи сходятся в общем понимании советского проекта урбанизации как альтернативной формы модерности. Повсеместное участие жителей в стройках домов и обустройстве квартир создавало опыт причастности к жилой среде, и так преодолевалось отчуждение, характерное для эпохи модерна и стран с капиталистической экономикой (Heidegger 1978; Oakes 1997). Соучастие авторы видят в ручном труде советских граждан, а также в наделении совместных практик, связанных с урбанизацией, своими смыслами. При этом в рассматриваемых авторами примерах горожане все же остаются пользователями, хоть и творческими, созданного и спроектированного для них и за них пространства, не имея ресурсов к изменению проекта и плана. И хотя авторы показывают, что районы «хрущевок» были для жителей не унылыми, а скорее местом проявления инициативы и сосед-

ской мобилизации, все же жителям оказывались скорее доступны тактики, но не стратегии (Де Серто 2013). Я покажу, что в моем кейсе, помимо тактик и практик обживания пространства, жители также имели возможность быть его проектировщиками, они достраивали новый район, придавая его материальной структуре свои смыслы.

Дихотомию «город — деревня» преодолеть сложнее. Я пока не вижу возможности вводить новые понятия для описания территорий, поэтому буду использовать понятия города и деревни, деревенского и городского. В отличие от авторов, с языком описания которых я не согласна (Зубаревич 2016; Богданова 2013; Кудюкин 2012; Меерович 2008; Меерович 2018), я буду использовать понятия деревни и города безоценочно, не как знаки хорошего или плохого и не примеряя понятия «города» или «деревни» как нормативную рамку для моего кейса. Вместо этого проанализирую, как их используют мои собеседники и как они к ним относятся. Это позволило мне увидеть, что деревня и город необязательно вступают друг с другом в противостояние.

Значимый пример преодоления бинарного осмысления советских процессов, поиск уникальности и множественности — введение понятийной категории «своих» в работе А. Юрчака (Юрчак 2016). Изучая «последнее советское поколение», автор описывает разные «республики своих» — группы людей, которых нельзя назвать ни диссидентами, противопоставлявшими себя режиму, ни лояльными советской власти. Они были другими, формировали собственные смыслы и способы говорения друг с другом, находились внутри советского режима и одновременно вне его. Способы говорения позволяли сказать свою правду и носили не референциальный смысл, но социально-перформативный, отделяя «своих» от не-своих.

Категорию «свой» привычно рассматривать в контексте языка как в бытовом, так и в академическом ключе, но в контексте «места» скорее необычно и оригинально для теоретического осмысления, как бы ни было привычно нам в нашей повседневности. В кейсе моего исследования категория «своего» меня будет интересовать в нескольких аспектах. Во-первых, если обращать внимание на то, как жители говорят о «своих» как о тех, которые относятся к конкретному месту, как анализ и описание «своих», связанных с местом, помогут нам увидеть еще одну грань советской урбанизации? Во-вторых, что для жителей поселения значило чувствовать себя на *своем месте*, т.е. *дома*, в той среде, которая согласуется с проявлением их субъектности и желания социальных связей? Как жители осваивались, обустривались и присваивали себе территорию интенсивно менявшегося жилого района? Как они делали ее *своей*?

Кейсы, о которых пойдет речь, я буду рассматривать через призму этих вопросов. Для теоретической концептуализации я обращаюсь к идеям антрополога Т. Ингольда, к его пониманию «ландшафта» и идее «обустраивания» (dwelling) среды. Вслед за Т. Ингольдом ландшафт я буду понимать не как картину или репрезентацию, но как среду, которая возникает в результате жизнедеятельности. Ландшафт включает в себя и материальные объекты, и практики. Для описания ландшафта необходимо изучить, как люди обживают и обустраивают (dwelling) построенную вокруг себя среду (built environment). Согласно Т. Ингольду, мы достраиваем среду вокруг себя исходя из идей, навыков, представлений, памяти, которые носим в своих телах. В то же время наши представления, идеи, навыки, телесная память — часть среды, в которой мы жили и живем. Обживание среды и создание ландшафта — процесс творческого взаимодействия человека с окружающей местностью. Внутри ландшафта могут быть отдельные зоны (taskspaces), которые характеризуются конкретными практиками внутри них. Понятие ландшафта связано с понятием темпоральности. Темпоральность для Т. Ингольда не абстрактное время и не последовательность исторических событий, а ритм социальных практик, которые протекают в среде.

Идеи Т. Ингольда редко используются для описания исторических процессов. Значимое исключение — исследование А. Болотовой об отношениях жителей с природным ландшафтом в промышленных городах. Автор соединяет теории Т. Ингольда и М. де Серто для описания «реального» понимания «природы» жителями города, а не того, каким его запланировали архитекторы. На материалах интервью А. Болотова показывает, как через «тактики» (Де Серто 2013) присвоения среды жители создавали свои природные зоны, отличные от функционального зонирования рационально устроенного современного плана промышленного города. В кейсе А. Болотовой присвоение среды происходило через творческое пользование ресурсами, заданными планировщиками. Аналогично причастность жителей к среде, их «соучастие» осмыслиется в работах других авторов, анализирующих другие топографии (Reid 2014; Рожанский 2012). Применение теории Т. Ингольда для моего кейса покажет еще один пример из многообразия проектов советской урбанизации, в котором «соучастие» не ограничивается присвоением плановой застройки через ручной труд.

Место исследования

Город Фокино — моногород строительной отрасли с работающим цементным заводом. В нем проживает около 13 тысяч человек, большая часть которых живет в жилом микрорайоне Шибенец. Завод появился

еще до революции, в 1899 г., по инициативе промышленника Льва Шешнищева. Предприятие возникло рядом с месторождениями мела и глины, которые необходимы для производства цемента, оказавшись вблизи скопления деревень Боровка, Балдыж, Шибенец, Пупково, Березино, Доманово¹ (Островляничик, Хрипач 1999). С конца XIX в. жители деревни приезжали работать на цементном заводе, а потом и на сопутствующих промышленных предприятиях, производящих асбест, шифер, ремонтирующее заводское оборудование. Поселение долго не имело уникального имени и называлось Цементный завод, или просто поселок Цементный.

После революции развитие поселения определялось курсом советской власти. В 1940-е годы поселение было затронуто войной, поселок был оккупирован, часть жителей увезли в лагеря, часть построек разрушена, но завод и его главная печь сохранились. С 1950-х годов началось послевоенное восстановление поселения, завод вновь начал производить цемент, который стал нужен на многие стройки страны. На завод продолжали приходить жители местных деревень, пленные возвращались из лагерей. Кроме того, в поселение приезжали по распределению технические специалисты и учителя. К концу 1950-х материальный ландшафт поселения преимущественно составляли деревянные постройки. Часть местных жителей жили в деревнях, в домах со своими участками. Приезжие селились в основном в бараках, коммунальных квартирах, общежитии. Небольшая часть населения жила в поквартирных двух- и трехэтажных домах.

В 1961 г. по плану, разработанному Брянским строительным институтом, начал застраиваться новый жилой район, в котором предполагалось построить много многоэтажных многоквартирных домов. В местной газете заместитель директора цементного завода по капитальному строительству описывает будущую застройку через проект будущего по возведению новых инфраструктур:

Она [планировка] включает в себя два микрорайона 4-х этажной застройки, квартал индивидуальной застройки, административно-торговый центр, квартал коммунально-бытовых учреждений. В новом поселке будут построены клуб на 600 мест, библиотека, больница, гостиница, ресторан. В поселке будут три школы на 960 учащихся каждая, детские сады, ясли, техническая школа на 240 учащихся (Новый поселок цементников // Брянский цементник. 28.10.1961. № 39 [247]).

¹ Список сельских населенных пунктов дан на основе корпуса интервью с местными жителями.

В описании плана не подчеркивается его уникальность, учет планировки и зонирование территории в отношении местности и локальных особенностей поселения, его жителей и их нужд. План создавался из логики типовой массовой микрорайонной застройки, в которой должны были быть в шаговой доступности базовые, необходимые для жизни учреждения (магазины, школы, больницы и др.).

Дома стали строить рядом с деревней Шибенец, которая располагалась на противоположном от заводов берегу реки Болвы. Предполагалось, что такое расположение учитывает направление ветров, а кроме того, имеет естественный барьер из леса, что исключает вредное задымление жилой зоны. Городские инфраструктуры пришли не в саму деревню, а строились по соседству. Территория деревни Шибенец продолжает существовать. Там и сейчас живет часть поселения, а часть содержит дачи и свои участки.

Строителями нового района были в основном работники местной строительной организации, СМУ — строительно-монтажного управления. Иногда к стройке могли подключаться сотрудники строительных участков промышленных предприятий, а также жители, занятые в других профессиях. Как и в других топографиях послевоенного советского социализма, местные жители участвовали в возведении жилых зданий по плану типовой застройки (Bolotova 2012; Reid 2014). Поколение строителей чувствовало свою причастность через ручной труд. Хотя им не был доступен уровень проектирования района, для них присвоение плана типовой застройки происходило через участие в его строительстве (Bolotova 2012).

В 1964 г. поселение Цементный завод получило статус города и название Фокино. После этого стройка района приобрела статус строительства «городского» жилого района. У района сначала не было названия. И хотя были идеи придумать отдельное имя новому поселению, постепенно район стал называться так же, как деревня, — Шибенец, а сама деревня — Старым Шибенцом. С 1969 г. территория деревни Шибенец также стала официальной частью города Фокино. Строительство микрорайона Шибенец по плану 1961 г. происходило вплоть до конца 1990-х гг.

За 30 лет было построено около 50 жилых многоквартирных домов, здание больницы, Дома отдыха, три детских сада, две школы, два техникума, общежитие, клуб, детские площадки. С 1970–1980-х гг. жители официально получили возможность строить гаражи и дачи. Они возводили их по границе многоквартирной зоны, расширяя жилую зону дальше в сосновый лес. Кроме того, в 1960-е гг. жители нелегально строили сараи рядом с линией первых городских домов.

Часть многоэтажных зданий начали строиться в последние десятилетия СССР, но так и не были достроены, они стали местными

«заброшками» и оставались стоять заброшенными еще в 2010-е, пока их не снесли и не возвели на их месте новые многоэтажные дома. Часть советских построек становились заброшенными постепенно, например Дом отдыха, где раньше проходили оздоровительные процедуры работники завода, функционировал еще несколько десятилетий после распада СССР. С 1990-х в микрорайоне построили новые многоэтажные дома, здание церкви, дома молитвы, спортивный комплекс. Часть местных жителей продолжают строить дачи в пространстве деревни Шибенец.

Для жителей, населяющих город Фокино, пространство воспринималось и воспринимается не единообразно, а гетерогенно, есть множество разных пространств, или *ландшафтов*. Во-первых, «старый город», который идентифицируется с названием Фокино и отсылает к заводской части. Это место, где располагается цементный завод и другие промышленные предприятия. Оно вобрало в себя территорию поселения Балдыж, где жили первые заводские рабочие. В старой части города есть и жилые дома, где живет часть жителей, и Дом культуры. Об этой части города я не буду говорить в статье. Во-вторых, есть множество наименований соседних деревень: Боровка, Пупково, Доманово, — которые располагаются рядом и частью жителей считаются «своими» местами, хотя они официально не являются частью города. Я буду упоминать их тогда, когда они важны для моих собеседников. Внутри города Фокино при приближении к его жилой зоне важно деление на Шибенец и Старый Шибенец, которое знают и разделяют все жители города. В-третьих, пространство самого Шибенца неоднородно. Жители разделяют его по зонам с помощью нумерации домов. Всем понятно, о какой зоне района идет речь, если указать номер дома или его специальное наименование. Среди такого территориального деления для статьи особенно важно обозначение «первые дома», или «старые дома». Так жители, особенно представители старшего поколения, называют те здания, которые были построены в районе первыми. Они представляют собой одну линию из шести многоэтажных многоквартирных зданий.

Я рассмотрю истории трех семей, через которые раскрывается многообразие процесса советской урбанизации, обживания территории и ощущения себя на «своем» месте. Первая история — история семьи Людмилы, которая жила в деревне Шибенец, когда началось строительство городского микрорайона. Я использую воспоминания Людмилы о том, как ее мама участвовала в стройке, и о ее личном самоощущении себя в городе. Вторая история — история семьи Надежды, которая переехала из бараков на Балдыже в первые дома в Шибенце в 1965 г. Надежда также наблюдала за изменением ландшафта вокруг нее, видела, как ее родители участвовали

в обустройстве территории, создавали свой «новый быт» в провозглашенной «городской» среде. Третья история — история семьи Ларисы, которая получила квартиру в Шибенце в 1978 г. Стройка района все еще продолжалась, Лариса не только наблюдала за ней, но и принимала участие в обустройстве нового района.

Кейс 1. История семьи Людмилы: жизнь в деревне Шибенец и начало строительства «городского» района

Людмила родилась в деревне Шибенец в 1953 г. в семье основателей деревни. Ее семья вместе с другими строила деревню и давала улицам деревни названия (рис. 1).

В ходе беседы Людмила подчеркивала, что она «старожилка» и что она «с Шибенца, с самого», из поколения семей основателей. В детстве жили большой семьей в собственном деревянном доме, вместе с бабушками и дедушками. У семьи было свое хозяйство: «Свой дом. Огород. Хозяйство. Корова, поросята, теленок, утки, куры, собаки — все было. Готовка дров, сено, и пошло-поехало». Людмила помогала родителям по хозяйству: стирала вещи, кормила животных, собирала урожай. Она с ностальгией вспоминает времена детства и юности — тогда было «дружно». Тогда деревня «всей улицей» праздновала общие праздники: сбор урожая, свадьбу, проводы в армию: «Тогда ж и свадьбы, и проводы, почти полдеревни гуляло. Гудят. Неделю отдай, 3–4 дня — это точно».

Ее мама работала в СМУ, отец — на цемзаводе, в промышленной части поселения, на противоположном берегу реки Болвы. Бабушки и дедушки

Рис. 1. Старый Шибенец. Фото из личного архива автора, 2019 г.

тоже работали на промышленных предприятиях в Цементном поселке. В 1960-х гг. мама стала работать «на стройке», строить многоэтажные кирпичные дома будущего городского микрорайона. Привычный с детства ландшафт менялся на глазах Людмилы. Рядом с деревней, на ее границе, вместо леса из сосновых деревьев появлялись городские дома. Туда постепенно стали приезжать новоселы из бараков и коммунальных квартир промышленной части поселения. У деревенских детей появились новые приятели «со стройки», с которыми они вместе играли, собирали грибы в лесу, устраивали спортивные соревнования.

Грибы собирали по лесу, в футбол играли, в волейбол. Тогда ж играли между домами. Например, как говорилось в футбол: Шибенец на Стройку. Шибенец — это деревня. Стройка — это где дома начали строить. Вот за домами в футбол играли. Тут футбольное поле было, где сейчас школа стоит. Вот играли между собой.

Помимо совместных игр, дети вместе учились в школе (рис. 2). В 1960-х дети «со стройки» ходили учиться в начальные классы в деревню, учились в деревянной избе:

Вот где березы растут, как идешь от училища и там березы растут. Вот прогалок на деревню выходишь. Вот на улице Чапаева там деревянный дом. Сначала этот дом строил Степан. А потом отобрали у него этот дом. На школу взяли этот дом. Копейку заплатили. Он другой себе построил дом дальше тогда. Внизу. Пятистенок был. В одной половине 2–4 классы учились, в другой половине — 1–3. Два учителя были у нас, как сейчас помню. Дома, конечно, этого нет, разобрали. А деревья остались, память, кто проходим, как говорить, старожилы, смотрим, что от школы осталось. Это мы сами сажали уже эти деревца.

Уже потом все дети района станут ходить в городское здание школы, которое построят с помощью местных жителей в 1971 г. Пока рядом с деревней мама Людмилы и другие строители строили все больше домов, здание котельной, Людмила с семьей продолжала жить в деревне со своим хозяйством. В конце 1970-х годов¹, когда начали проводить газ и водопро-

¹ О газификации Шибенца упоминается в газетной заметке 1977 г. В тексте говорится, что газифицировано около 100 квартир. Это совпадает с воспоминанием местной жительницы, которая датирует появление газа в доме 1978–1979 гг. В газетных статьях 1960-х гг. пишут о газификации «старой части города», т.е. территории на противоположном берегу реки, где расположены промышленные предприятия.

Рис. 2. Школа на Старом Шибенце. Архив местной жительницы. Фотография школьной стенгазеты. Стенгазета не сохранилась

вод, деревенским жителям стали обрезать участки земли, своего хозяйства постепенно становилось меньше¹:

Огороды стали обрезать у нас. Да-а. Поубрали огороды под строительство. Первый раз, сколько они там обрезали, почти половину огорода. Вот. Газ тянули. С Фокино сюда тянули. Потом уже больше обрезали, когда новый дом стали ставить. Тогда все, считай забрали весь огород.

Сама Людмила после школы пошла в местный техникум, потом уезжала на практику в Северодвинск, а после практики вернулась в Фокино, вышла замуж, стала жить в квартире в многоквартирном доме вместе с мужем и детьми, работать на местных предприятиях. Кроме основного места

¹ Однако жители содержали свое хозяйство вместе с живностью еще довольно долго. Я помню, как еще в моем детстве, в 2000-е гг., можно было встретить коров, пасущихся на лугу между Старым Шибенцом и первыми многоквартирными городскими домами.

работы Людмила подрабатывала ремонтом. Помогала ремонтировать жилые квартиры, которые могла строить ее мама, и здание школы, в строительстве которой участвовала ее мама.

Мои дочки пошли в ту же школу. Все всех знали. Мама строила. Мы учились. Потом мы ремонтировали, помогали. На родительских собраниях меня все время вспоминали, что я ремонтировала классы, помогала.

Когда Людмилу сократили в 1990-х, она уехала на заработки в Москву. В 2000-е вернулась в родительский дом в деревне, отремонтировала его, завела живность и во время нашего разговора в 2019 г. продолжала жить в своем родном доме. Сейчас в деревне уже нет тех праздников, которые были в детстве Людмилы. Постепенно со смертью родителей Людмилы и разрастанием городской части уличные праздники ушли в прошлое:

Мода [на совместные гуляния] кончилась. Сейчас шепотом ушел в армию, шепотом пришел, шепотом женился. И все нормально.

Людмила с ностальгией вспоминает прошлое и детство, когда ощущалась дружность совместной жизни. Тогда, в 1960-е гг., деревня была местом совместных гуляний и праздников, земельного ручного труда, соседской взаимопомощи и ручного строительства. Деревенский ландшафт формировался деревянными домами со своим хозяйством. Его ритм задавался работами по содержанию своего хозяйства и совместными праздниками. Темпоральность жизни в деревне была, конечно, связана с работой промышленных предприятий. Но в случае Шибенца ее задавал не единственный заводской гудок (Димке, Корюхина 2013) — она была множественной. Ритм жизни в деревне Шибенец задавали режимы работы местных заводов и строительных организаций, в том числе темпы жилищного строительства, а также сезонность сбора урожая и режимы выпаса скота.

Для Людмилы Фокино — ее родной город. При этом внутри него она считает себя местной «деревенской старожилкой». Она — «Шибенская, с деревни, со Старого Шибенца». Для нее и я «своя», поскольку родилась в Фокино и жила в Шибенце, но есть еще и более локальные «свои», местные старожилы, из семей основателей деревни, на чьих глазах строился город и чьи семьи участвовали в строительстве. Деление территории на деревенскую и строящуюся, городскую, появившееся в 1960-е гг., актуально для Людмилы, как и для других жителей, до сих пор:

Разница такая, что город, да? Понимаешь? И деревня. Так и было. Старый Шибенец, оно и сейчас считается эта улица —

Старый Шибенец. А мы называли «Стройка» — вот это, где дома начинали строить, называли «Стройка». Они нас называли — шибенские, со Старого Шибенца. Оно и до сих пор так, кто старожилы, все друг друга: «Что ты не знаешь, со Старого Шибенца?»

Для социальной навигации в определении «своих» приоритетным оказывается не язык, не особые смыслы или диалект, но место, жизнь в конкретной среде. Важнее оказывается не вопрос «чей?», характерный для деревенской социальности (Гололобов 2005), а вопрос «откуда?», который показывает и чей ты, частью какой семьи ты можешь быть.

Именно деревенский ландшафт — то ценное и значимое, что вспоминает Людмила, рассказывая о прошлом. Для нее ностальгия по советскому времени — это ностальгия по детству и времени жизни в деревне, когда все жили дружно и сообща, когда праздновали вместе сбор урожая, когда соседи были знакомы. И все это постепенно уходило в прошлое вместе со строительством города, который строили жители деревни. Для Людмилы город не является чем-то чужим и внешним, она видела, как он появляется, она приходила на работу к маме «на стройку», она жила в нем, а потом помогала ремонтировать его здания. Но он все же был и остается другим ландшафтом, отличным от деревенского по своему материальному устройству и по социальным практикам, которые он принес вместе с собой.

Такое отношение отличается от стандартного разделения на деревенское и городское, представленное в исследованиях (Богданова 2013). Новоселы многоэтажек были другими, но не были чужими для жителей деревни. Ландшафт города был другим, но и он не был чужим, он был соседским и «своим», поскольку его строили «свои».

Для городских пространство деревни также было другим, но не чужим. Когда жители женились / выходили замуж, молодая семья могла жить вместе в деревне, хотя раньше кто-то из них жил в городской квартире. Несмотря на исключение деревенского ландшафта из официального нарратива советского урбанизма, он составлял значимую часть ландшафта поселения и до сих пор актуален для жителей города. Сейчас на территории деревни Шибенец все еще живет часть населения города. Кто-то постоянно живет в собственном доме и ведет небольшое хозяйство. Кто-то покупает себе дом с участком как дачу, продолжая жить в многоквартирном доме.

Такая жизнь деревни отличается от того, как она описывалась в местной газете «Брянский цементник». Начиная с первых выпусков газеты в 1957 г. в статьях, посвященных жилой среде поселения, подчеркивались

Рис. 3. Новые дома в микрорайоне Шибенец. Брянский цементник.

05.11.1977. № 45–46 (1074–1075). Подпись справа от снимков:

«На снимках... новые дома в микрорайоне Шибенец: такими жилыми домами был застроен поселок в дореволюционные годы.

Фотографии рассказывают о том, как изменилось лицо нашего промышленного города за годы Советской власти»

его индустриальные, городские черты: прямые улицы, двух- и трехэтажные постройки из кирпича. Авторы стремились доказать, что поселение уже имело городские элементы, даже если оно еще официально не стало городом. Присвоению статуса города посвящена вся первая страница выпуска 1964 г. В дальнейшем при описании процесса строительства в статьях подчеркивался быстрый темп появления новой инфраструктуры, кирпичное было приоритетнее деревянного, прямое — приоритетнее кривого. Деревенская школа, куда ходили и городские дети в 1960-е гг., на страницах газеты не появлялась. Жизнь жителей Старого Шибенца, которые строили городской район, не освещалась. Кроме того, в небольшой статье в 1977 г. поместили фотографии деревянных домов и кирпичных многоэтажек для сравнения прошлого и настоящего (рис. 3). Все деревенское и деревянное было признано отсталым прошлым, которое удалось преодолеть.

Обращение к устным источникам, интервью с жителями позволяет реконструировать «реальные» ландшафты позднего социализма, в которых жили горожане. Для Людмилы, как и для других семей из Старого Шибенца, деревенский быт оставался значимым и ценным и в 1960–1970-е гг. Для части жителей он остается приоритетным и сейчас.

Посмотрим на то, как обживался «городской» микрорайон новоселами.

Кейс 2. История семьи Надежды: «первые дома» на Шибенце

Надежда родилась в 1960 г. в Балдыже, в деревянном бараке старой части индустриального поселка Цементный. Делила комнату с тремя сестрами и двумя родителями. Мама работала в ЖКХ маляром, занималась

Рис. 4. Школа и первые дома в Шибенце. Личный архив местной жительницы. Дома на заднем фоне построены в 1960-е годы. Здание школы (на переднем плане слева) достроено в 1971 г.

отделкой помещений. Отец работал на цемзаводе. И мама, и папа Надежды приехали в поселок Цементный после войны из родных деревень Калужской и Брянской областей в поиске работы. В 1965 г. семья получила квартиру в одном из первых многоквартирных домов города (рис. 4). Дом, куда въехала семья Надежды, был одним из «первых домов», как их называют местные жители. Первые дома, построенные в 1960-е годы, стоят на границе жилого района, рядом с деревней Шибенец, в одной линии друг за другом¹.

Вспоминая переезд семьи в квартиру, Надежда рассказывает, что вскоре по приезду отец построил рядом с многоэтажным домом, в котором была их квартира, деревянный сарай (рис. 5):

Мы переехали. Построил сарай отец. Тогда строили самозахватом, кто где захватит. Тогда они все были деревянные. Там животные. Кто кроликов, кто свиней. Коровы, люди же коров держали. Друг другу помогали.

¹ «Там уже построены 6 многоэтажных домов, детсад-ясли на 140 мест, открыты магазины. Сейчас возводится еще один дом на 76 квартир» (Сегодня и завтра нашего города Фокино // Брянский цементник. 30.04.1968. № 17–18 [590]).

Рис. 5. Сарай напротив первых домов в Шибенце.
Фото из личного архива автора, 2019 г.

В домах к моменту переезда Надежды еще не было центрального отопления, и дома нужно было топить дровами, газовое отопление в дома провели только в 1977 г.¹ Однако сарай, по-видимому, не входили в план застройки поселения. Дрова предполагалось хранить в подвалах домов, где у каждой семьи был свой отсек. Надежда знает, что, когда они жили на Балдыже, у них не было своего хозяйства, не было возможности содержать животных, сарая и участка земли. Переезд в квартиру сделал строительство сарая и ведение своего хозяйства возможным.

Сараи, которые новоселы строили рядом с многоэтажными домами, возникли нелегально, стихийно, их строили, по словам Надежды и других жителей, «кто где захватит» или «самозахватом», без четкого плана и городского порядка в виде распланированных прямых улиц.

Надежда с детства помогала родителям по хозяйству, ходила в сарай кормить животных. Играла во дворе дома, ходила играть в деревню, училась сначала в деревенской школе, а потом перешла в городское здание. Помнит, как во дворах собирались дети и бабушки с дедушками. Взрослые

¹ Датирование по воспоминаниям жителей, подтверждаемое газетными заметками из «Брянского цементника». Например, статья «Новые этажи» в выпуске № 45–46 (1074–1075) от 5 ноября 1977 г.

играли на баяне и учили детей танцевать. Для этого взрослые специально смастерили лавки во дворах. Помимо танцев у подъездов Надежда помнит, как ее семья организовывала уличные застолья. Соседи выносили на улицу столы, чтобы отмечать общие праздники:

Раньше наши родители вечером выносили столы на улицу, прямо посредине улицы. У кого там картошку несет, кто там сало кусок несет, третий еще что-то несет, и вот сидят как-то вот очень-очень дружно было.

Отучившись в школе, поступила в местный техникум, потом стала работать на местных промышленных предприятиях. Когда Надежда вышла замуж, она переехала вместе с мужем к его семье, жили в деревне Шибенец, в Старом Шибенце. Потом по очереди с мужем они получили отдельную квартиру, также в одном из первых шибенских домов. Надежда живет там до сих пор. В 1990-е гг. после сокращений она меняла несколько работ в Брянске, пока не вышла на пенсию.

Для меня слушать истории о соседской дружбе и уличных застольях было удивительно. В детстве я жила с семьей в квартире в одном из первых домов. Наша квартира располагалась в доме на границе с деревенскими избами и через дорогу от деревенских сараев. Дворовые игры мне были знакомы, но совместные соседские уличные застолья и танцы с баяном звучали как сказка из далекого прошлого или как утопия победившего социализма: все дружны и каждый приносит к столу, что имеет. Когда я спрашивала Надежду, когда же все это закончилось, она датировала спад соседских социальных практик 1990-ми гг., когда стали умирать ее родители, поколение моих бабушек и дедушек. Столы во дворах домов все еще стоят в некоторых дворах. Часть из них совсем небольшого размера, неподходящие для застолий. За некоторыми еще в моем детстве, в 2010-е гг., собиралась немногочисленная компания мужчин для игр в лото и домино, но практику уличных дружных застолий я уже не могла себе представить возможной.

Однако в 2010-е гг. ее представил себе возможной один из местных жителей, Олег, с которым я проводила интервью в 2021 г. Он помнил, что раньше его родители собирались вместе с соседями за одним столом во дворе. Ему захотелось, чтобы было «как раньше», и он смастерил стол и поставил его во двор. Чуда не случилось, а социальные практики в ландшафт не вернулись. Вместо этого за столом стали употреблять алкоголь, ломать лавки и разносить мусор. Тогда Олегу пришлось срубить стол. Эта история интересна как показательная: хотя материальность ландшафта осталась такой же (многоэтажные дома, лавочки, стол), его социальность

изменилась, а значит, и ландшафт (в терминологии Т. Ингольда) стал другим.

Для новоселов строительство сараев, дворов и уличные застолья были частью обустройства и обживания (dwelling) пространства, сараи не были частью городского плана застройки, о них не упоминалось в местных газетах, они не были частью ландшафта, представленного в городском нарративе газеты.

По воспоминаниям Надежды, отдельного здания для детского сада в 1960-х гг. тоже еще не было. Детский сад организовали в одной из жилых квартир на первом этаже. Авторы газетного нарратива тоже были местными жителями и легко видели, какой ландшафт создается в районе. Видимо, они не ставили целью создать референциальный нарратив, отсылающий к реальным объектам и описывающий их. Для них было важно создать «городской» нарратив, подтверждающий факт существования города Фокино, а также факт его стремительного развития и дальнейшей урбанизации.

В газете освещались инициативы жителей по обустройству территории, которые были частью официального плана застройки: озеленение дворов, помощь в строительстве школы. Но практики строительства сараев или самоиницированные практики уличных застолий оставались вне внимания репортеров.

Воспоминания Надежды хранят примеры, в которых присвоение территории выходит за рамки участия в строительстве. Жители становятся проектировщиками пространства, они решают, где будут располагаться конкретные материальные объекты: лавочки, столы и сараи, — и для чего они будут им нужны. Так они не только присваивают территорию, но и создают место для «своих».

Например, когда мы обсуждали уличные застолья и я просила Надежду рассказать об этой практике подробнее, Надежда уточнила, что столы выносили в основном те, кого выселили «с Балдыжа», с тех барачков, в которых Надежда родилась. Их заселили в соседние два подъезда. Жители других подъездов переехали из другой части поселения и работали на других предприятиях. Надежда их участия в уличных застольях не помнит. Они были где-то в стороне, не с ними. Они были другими. Таким образом, хотя все так или иначе были жителями одного города и даже жителями одного дома, выделялись и более локальные «свои» — выселенные «с Балдыжа», соседи двух подъездов, которые манифестировали «своечество» через сбор за общим столом во дворе.

Ритм уличных застолий также отличался от ритма производства и стройки городского района. Он задавался общими событиями коллек-

тивной жизни и праздниками, по-видимому, даже религиозными. Жители упоминают о праздновании Троицы летом за столами с соседями. Можно сказать, что дворы многоквартирного дома с лавочками и столами составляли отдельную зону внутри городского ландшафта.

Сарай, который строил отец Надежды, как и сараи других жителей, также были значимой частью ландшафта переселенцев первых домов, новоселов городского района. Они также создают свою отдельную зону. У этой зоны своя логика организации территории, своя социальность и темпоральность. В отличие от домов, сараи стоят вплотную друг к другу. Между ними нет выдержанных расстояний. Очертания территории, которые они собой представляют, — не линия или прямоугольник (как у домов), а выпуклое множество с причудливыми границами. Они создают кривые улицы из деревянных сооружений.

Сараи представляют собой все проявления деревенского ландшафта, которые в газетной заметке 1957 г.¹ были описаны как ушедшие в прошлое. Они не поддаются современной логике рационального устройства района с четкой планировкой ни с точки зрения советских градостроителей, ни с точки зрения теоретиков модерна, осмысляющих в том числе архитектуру (Скотт 2005).

Когда жители рассказывают о постройке сараев, они постоянно говорят о взаимопомощи: «Все друг другу помогали». Строительство сараев было еще одним способом поддержки соседских связей. В то же время для того чтобы построить сарай, нужно было найти материалы. Хотя Шибенец строился в сосновом лесу, доски для сараев нужны были обработанные, а для этого необходимо было использовать заводские инструменты. Некоторые сараи построены не из дерева, а из самодельных кирпичей, которые жители мастерили из отходов производств промышленных предприятий (шифер, цемент, песок). Хотя практика строительства сараев была нелегальной, она не была запрещена. Жители не получали штрафы, сараи не заставляли сносить.

Они строили сараи, поскольку, по их представлениям, согласно их навыкам, укрепленным в теле, это то, что должна в себя включать среда, в которой они живут. Как и практика организации уличных застолий, строительство сараев — уникальный пример для кейсов изучения позднесоветского урбанизма. Можно сказать, что это такое «соучастие» в создании ландшафта района, в котором жители участвуют не только ручным трудом, присваивая себе план, но и сами становятся планировщиками местности.

¹ Прошлое и настоящее цемзавода // Брянский цементник. 1957. № 1.

Зона сараев задавала свою темпоральность, свой ритм. Нужно было следить за живностью, кормить ее, собирать яйца у кур, следить за курами и петухами. Они встречались там утром, перед тем как пойти на основную работу. Жители первых домов жили в городской квартире, работали на промышленных предприятиях и одновременно содержали небольшое хозяйство в сарае.

Темпоральность жителей первых домов также была множественна, и ландшафт жилой зоны состоял из нескольких зон: многоквартирный дом, двор и сарай. Все это происходило в контексте общей темпоральности в СССР, заданной курсом на урбанизацию территории. Строительство новостроек, в которых участвовали жители деревни Шибенец, было частью общесоветской темпоральности, устремленности в будущее, амбиций советского правительства создать «новые нормы» жизни и сделать СССР городским. Новостройки стали символом изменений, прогресса и частью общесоветского, а также глобального процесса урбанизации.

Соседство разных логик контакта с территорией — строительство согласно плану и строительство как стратегии обустройства местности — создает уникальный ландшафт места, где границы между деревенским и городским оказываются проницаемыми, и именно симбиоз разных логик создает живой ландшафт позднесоветского урбанизма.

Кейс 3. Лариса и «личная» детская площадка

Еще одна история обживания пространства вокруг многоэтажного дома представлена в истории Ларисы уже в 1970-е гг. Лариса родилась в деревне Доманово в 1955 г. Все детство провела в родной деревне, в начальной школе училась в Березино, в среднюю школу ходила в соседнюю деревню Пупково, старшие классы заканчивала в фокинской школе. До всех мест ходила пешком из своего дома. Поступила в фокинский техникум, встретила в Фокино будущего мужа и переехала жить к нему в старую часть города. Вместе с его семьей жила в отдельном деревянном доме со своим хозяйством. Лариса работала на предприятии, которое занималось ремонтом заводского оборудования. Ее муж работал на цементном заводе. Помимо работы, молодые помогали родителям управляться с небольшим хозяйством. В начале 1970-х у Ларисы родился первый ребенок. В 1978 г. семья получила отдельную квартиру в микрорайоне Шибенец.

Переезд случился под Новый год. Встретили Новый год сначала в новой квартире, а на следующий день поехали к родителям Ларисы в деревенский дом в Доманово, и все выходные провели в деревне. Пока родители не умерли в 1990-х гг., Лариса продолжала навещать их в родном доме

в Доманово, а также семья навещала родителей мужа, которые продолжали жить в своем доме в старой части города Фокино.

В 1970-х после переезда стали ремонтировать квартиру, клеить обои. Несмотря на городские удобства в виде туалета и ванной, в квартире не хватало места для сушки белья. Кроме того, в семье уже был маленький ребенок, и для него не хватало детской площадки. В доме, куда въехала семья Ларисы, двор не был обустроен. Рядом строилось еще несколько жилых домов.

Детскую площадку и придомовую территорию обустраивали сами новоселы, участвовало несколько соседских семей.

Грязь тут всю поносили, проходили, дорожки эти вот делали и асфальт сами, и площадку эту заливали. Тут же строили соседний дом, а мы ведрами носили [бетон], у кого коляска была. Теперь жалко, что там машины стоят. Это наша личная площадка. Мужики столбы принесли. Это мы ставили, мужики нам натянули веревки. Были натянуты веревки. Мы белье сушили, выносили. Сами заливали бетон. Асфальтная машина приехала, мы попросили. Там площадку всю залили, тоже бетон все залили, чтоб детям играть. Стол стоял, и ворота, и волейбольная [площадка]. Тут же игровая площадка была. Зимой тут заливали каток, дети катались на коньках. Деревья, это все мы сажали, ходили. И рябину, и кустарники, все наши ребята волочили.

Другую часть площадки, по словам Ларисы, стали достраивать жители другого, соседнего дома. Постепенно весь район застраивался, появлялись асфальтированные дороги до детского сада и школы, автобусные остановки и транспортное сообщение. Лариса всю жизнь проработала на разных предприятиях в Фокино и в момент нашего разговора была на пенсии, продолжая жить в той квартире, которую получила в 1970-е гг. Мы говорили, сидя у нее дома, и когда она выглядывала в окно, то видела детскую площадку. Ей было жалко смотреть на машины, которые занимают место «их собственной» детской площадки, которую они строили своими руками.

Обустраиваясь на новом месте, в городском ландшафте Лариса и ее семья включались в практики строительства и достраивали городской ландшафт, а также добавляли туда элементы, необходимые для их хозяйского комфорта, например веревки для сушки белья. При этом сама Лариса повторяла, что считает себя Домановской, она из Доманово. Для Ларисы категория «своих» была многоступенчатой и связь с территорией

стала ключевой. «Свои» — это жители одного дома, а также «свои» — это те, кто родились в Доманово.

«Своей» была и детская площадка. Лариса говорит: «Это наша личная площадка». Хотя практика строительства площадки из асфальта, бетона, труб, турников, качелей и песочницы соотносится с представлениями о городском ландшафте, Лариса не мыслит ее частью общей социалистической собственности. Она мыслит ее как дело рук конкретных семей и так присваивает ее себе *лично*, через труд. Я бы сказала, что, обустривая вместе с мужем и другими соседями свой двор, она действует скорее не как новосел-горожанин, но как жительница Доманово, обустривая *свое личное* хозяйство для своих и соседских детей. «Свои» — не те, которые разделяют общее семантическое поле, а те, кто обустривает «свое» место.

Заключение

С помощью трех кейсов я стремилась показать многообразие процесса позднесоветской урбанизации, которое включало в себя изменение разных ландшафтов: деревни Шибенец, первых домов на Шибенце, зоны 20-го дома микрорайона Шибенец.

Вопреки нарративам местной газеты, деревня Шибенец с ее деревянными постройками и земельными участками оставалась значимой средой для части населения города. Она задавала отдельную траекторию восприятия «своих» как тех, кто «с деревни», «со Старого Шибенца», кто живет в среде со своей особой материальностью и своим ритмом, заданным ведением своего хозяйства.

Комплексный ландшафт «первых домов» содержит разные зоны: многоэтажные дома, дворы и сараи. Ритм семейной жизни в отдельной квартире сочетался с соседскими встречами во дворах на скамейках и за общими столами, а также с присмотром за животными в сарайчиках рядом с домом. Весь ландшафт создавался семьями новоселов, переехавшими в первые дома из фокинских бараков, коммунальных квартир и по распределению из других поселений.

Зона 20-го дома микрорайона Шибенец — только один из примеров участия новоселов в обустройстве дворов. Жители не просто своими руками строили дом по плану, но и проектировали детскую площадку. Наполняли ее теми объектами, которые считали нужными. Туда включались не только турники и песочница, типичные для советских дворовых площадок, но и, например, веревки для сушки белья. Каждая площадка во дворах домов в Шибенце уникальна, на ней есть свои горки, турникеты, песочницы, веревки, столы, по-видимому, спроектированные и созданные новоселами конкретных домов.

Для жителей, старожилов и новоселов в интенсивно меняющейся среде была важна соотнесенность со «своей» средой и со «своими» через среду и с помощью совместных практик строительства: из Старого Шибенца, Балдыжа, Березино, Пупково, с 20-го дома, дома-китайки, 30-го дома, 4-го дома, из школы 2, школы 3, детского сада. Важным способом определить «своих» была соотнесенность с материальными объектами и средой, которыми они создавались.

В осмыслении советского урбанизма редко указывается на симбиоз деревенских и городских ландшафтов, их скорее осмысляют через напряжение и противоречие (Богданова 2013; Зубаревич 2016). На примере строительства микрорайона Шибенец мы видим, что в контексте советского урбанизма были возможны и другие отношения между деревней и городом. Например, первые годы строительства района деревня помогала городу: новоселы ходили в школу в деревню, жители деревни делились или продавали новоселам яйца, мясо и молоко, которых пока не было в местном магазине. Для жителей цементного городка границы между деревней и городом были проницаемыми. Деревня — Старый Шибенец — всегда была общей частью жилой среды города. Жители могли мигрировать из жизни в отдельном доме к жизни в квартире и обратно, покупать и продавать дачу в деревне, ходить в гости, купаться на речку. Также можно сказать, что город стал частью деревни. Новоселы, привыкшие к жизни в деревенской среде, въехали в многоэтажные городские дома. Они сочли их своими, стали обустраивать их так же, как обустраивали бы свой деревенский дом. Они вносили в ландшафт города соседский быт, к которому привыкли, проживая в деревенской среде. Город стал частью их быта, который осмыслился как симбиоз деревенского и городского.

Жители могли соотносить себя с конкретными ландшафтами, но при этом все осознавали себя частью большой административной единицы, и шире — советскими гражданами. Интенсивная урбанизация для местных жителей была одновременно «внешним» и «своим» процессом.

Помимо своей самоценности, критическое осмысление исторических процессов может быть полезно и при взгляде на современность. В современной постсоветской России становится популярной тема «соучаствующего проектирования». Отдельные люди и архитектурные бюро реализуют соучаствующие градостроительные проекты в российских регионах. Кейсы строительства Шибенца стоят в одном ряду с другими примерами «соучаствующего проектирования» при советском социализме. Такого, при котором жители ощущали свою причастность к местности, считали ее своей, видели себя ответственными за территорию. Доступны ли жителям стратегии или тактики (Де Серто 2013)? Как происходит при-

своение плана, придуманного профессионалами? За счет чего у жителей появляется ощущение своего места? Эти вопросы актуальны как для изучения кейсов советского строительства, так и для осмысления современных архитектурных процессов, в которых может проявиться многообразие способов создания территорий и ощущение себя на *своем месте*.

Литература / References

Богданова Е. (2013) Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества. Богданова Е., Бредникова О. (ред.) *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*. СПб.: Алетейя: 105–126.

Bogdanova E. (2013) Anthropology of a Rural Two-Storey House: From the Study of Dwelling to the Study of Community. In: Bogdanova E., Brednikova O. (eds) *Far from Cities: The Life of the Post-Soviet Village*. St. Petersburg: Aleteya: 105–126 (in Russian).

Бон Т. (2013) *Минский феномен: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН.

Bohn T. (2013) *The Minsk Phenomenon: Urban Planning and Urbanization in the Soviet Union after the Second World War*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Гололобов И. (2005) Деревня как не-политическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 8(2): 40–54.

Gololobov I. (2005) The Village as a Non-Political Community: The Social (Dis)organization of the World of Proper Names. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 8(2): 40–54 (in Russian).

Димке Д., Корюхина И. (2013) Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества. *Социология власти*, 3: 73–93.

Dimke D., Koryukhina I. (2013) Urban-Type Settlement: Temporal Rhythms of a De-Urbanized Community. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 3: 73–93 (in Russian).

Зубаревич Н. (2016) Страна городов: теория и практика российской урбанизации. В: Аузан В. (ред.) *Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов*. М.: Strelka Press: 12–19.

Zubarevich N. (2016) A Country of Cities: Theory and Practice of Russian Urbanization. In: Auzan V. (ed.) *Incentives, Paradoxes, Failures: The City through the Eyes of Economists*. Moscow: Strelka Press: 12–19 (in Russian).

Касаткина А. (2022) К поэтике и практике современного урбанизма: «городсад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 1: 30–59.

Kasatkina A. (2022) Toward the Poetics and Practice of Modern Urbanism: The “Garden City” as a Technology of Social Integration in Obninsk in the 1960s. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 1: 30–59 (in Russian).

Кудюкин П. (2012) Производственная квазиобщина как центр жизненного мира. В: Глущенко И.В., Кагарлицкий Б.Ю., Куренной В.А. (ред.) СССР: Жизнь после смерти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 44–55.

Kudyukin P. (2012) The Production Quasi-Community as the Center of the Lifeworld. In: Glushchenko I.V., Kagarlitsky B.Yu., Kurennoy V.A. (eds.) *The USSR: Life after Death*. Moscow: HSE Publishing House: 44–55 (in Russian).

Меерович М.Г. (2008) Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН.

Meerovich M.G. (2008) *Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People, 1917–1937*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Меерович М.Г. (2018) Советские моногорода: история возникновения и специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1: 53–65.

Meerovich M.G. (2018) Soviet Single-Industry Towns: The History of Their Emergence and Specific Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 1: 53–65 (in Russian).

Островляничик В., Хрипач В. (1999) На рубежах веков. Акционерное общество «Мальцовский портландцемент». Историко-документальный очерк. М.: Новый Ключ.

Ostrovlyanchik V., Khripach V. (1999) *At the Turn of the Centuries: The Joint-Stock Company "Maltsovsky Portland Cement". A Historical and Documentary Essay*. Moscow: Novyy Klyuch (in Russian).

Рожанский М. (2012) Навстречу утренней заре: Странствия в поисках настоящего. *Ab Imperio*, 2: 112–144.

Rozhansky M. (2012) Toward the Morning Dawn: Wanderings in Search of the Present. *Ab Imperio*, 2: 112–144 (in Russian).

Серто М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб.

de Certeau M. (2013) *The Practice of Everyday Life. Vol. 1: The Art of Doing*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press (in Russian).

Скотт Д. (2005) Благими намерениями государства. М.: Университетская книга.

Scott J.C. (2005) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Юрчак А. (2016) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

Yurchak A. (2016) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Arnstein S. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 35: 216–224.

Bocharnikova D., Harris S.E. (2017) Second World Urbanity: Infrastructures of Utopia and Really Existing Socialism. *Journal of Urban History*, 44: 1–6.

Bolotova A. (2012) Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North. *Europe-Asia Studies*, 64: 645–671.

- Friedmann J. (1973) *Retracking America: A Theory of Transactive Planning*. New York: Doubleday.
- Heidegger M. (1978) *Building, Dwelling, Thinking*. In: Krell F.D. (ed.) *Basic Writings: Martin Heidegger*. London: Routledge.
- Harris S. (2013) *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life After Stalin*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Ingold T. (2021) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
- Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Oakes T. (1997) Place and the Paradox of Modernity. *Annals of the Association of American Geographers*, 87(3): 510–532.
- Reid S. (2014) Makeshift Modernity. DIY, Craft and the Virtuous Homemaker in New Soviet Housing of the 1960s. *International Journal for History, Culture and Modernity*, 2: 87–124.
- Wiederhold A. (2015) Conducting fieldwork at and away from home: Shifting researcher positionality with mobile interviewing methods. *Qualitative Research*, 15(5): 600–615.
- Zakirova M. (2018) The city as genuine place. The paradoxes of Soviet urbanization: the search for the genuine Soviet city. In: Lyssakov P., Norris S. (eds) *The City in Russian Culture*. London: Routledge: 141–165.

“HOUSES AND SHEDS BUILT WITH OUR OWN HANDS”: STORIES OF APPROPRIATING A DEVELOPING INDUSTRIAL MONOTOWN (FOKINO, BRYANSK REGION) IN THE 1960S–1970S¹

Albina A. Zavertkina (albazav213@gmail.com)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Zavertkina A. (2026) “Houses and sheds built with our own hands”: Stories of appropriating a developing industrial monotown (Fokino, Bryansk Region) in the 1960s–1970s. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 179–211 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.7> EDN: EBTTFH

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-18-00962, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>.

Abstract. Soviet Studies and, more specifically, studies of Soviet urbanization in the second half of the twentieth century have paid relatively little attention to the uniqueness of local territorial processes. Conceptualizing spatial transformation through the village–city dichotomy often entails implicit value judgments and obscures the realities of “actually existing socialism” behind them. Drawing on three stories of dwelling (T. Ingold) in a newly built residential district of an industrial monotown (a single-industry town), this article explores what the process of urbanization meant for local residents. How did inhabitants make a changing landscape their own? What enabled them to feel at home and rooted in place? The article is based primarily on biographical interviews with local residents conducted between 2019 and 2024. These interviews are contextualized through materials from the local newspaper *Bryanskii Tsementnik* (Bryansk Cement Worker). The analysis employs Alexei Yurchak’s concept of “one’s own people” (*svoi*) together with Tim Ingold’s ideas on dwelling and landscape-making. Using a local case study, the article demonstrates, first, that urbanization can be understood as a multifaceted process of transforming heterogeneous landscapes that extends beyond the rigid village–city dichotomy. Second, it shows that under late socialism residents had access to various means of participation in shaping their living environment. They were involved in the production of landscapes not only as creative users of space employing “tactics” (de Certeau), or as those who implemented plans through manual labor while constructing residential buildings, but also as planners in their own right. In this capacity, they were able to employ “strategies” by introducing new material objects into space, such as storage sheds, thereby actively contributing to the formation of the local landscape.

Keywords: village, city, urbanization, Soviet, place, landscape, dwelling.